

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 190–196

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 190–196

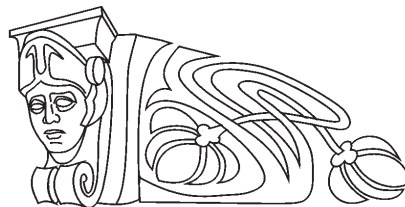
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-190-196>, EDN: DXCGAM

Научная статья

УДК 316.7(47+57)|1920/1939|+929Паскаль

Восприятие Блеза Паскаля и его наследия советской официальной культурой 1920–1930-х гг.

К. Ю. Кашлявик¹✉, А. Е. Лобков²

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Севастопольский государственный университет, Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Кашлявик Кира Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, kachlavi@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1243-7608>

Лобков Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института общественных наук и международных отношений, aelobkov@sevsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6547-0391>

Аннотация. Восприятие Блеза Паскаля советской официальной культурой 1920–1930-х гг. еще не становилось предметом специального изучения. На новом историческом витке научное и духовное наследие французского мыслителя неизбежно подлежало ревизии. Авторы ставят перед собой задачу раскрыть особенности конструирования образа Паскаля и интерпретации его идей в обществе массовой интеллектуальной культуры. Основным материалом для статьи послужили сведения о Паскале, которые советский гражданин мог почерпнуть из энциклопедических словарей, учебников, научно-популярных статей и периодики. Делается вывод о том, что личность и труды французского гения XVII в. были важны для выстраивания диалога новой советской культуры с традиционной европейской вообще и французской в частности. В 1920–1930-х гг. складывается «советский традиционализм» – практика государства по созданию границ лояльности для традиционности, в которую, прежде всего, включена интеллектуальная культура. В новые координаты были вписаны европейская буржуазная культура и конкретный случай Паскаля. «Границы лояльности», установленные к наследию французского гения, выдвинули на первый план Паскаля-ученого и Паскаля-философствующего писателя. Показательно заострение оппозиции Декарт – Паскаль, в которой отражены духовно-философский, культурный и идеологические конфликты нового советского государства. В этом конфликте Паскаль стал своего рода «сокровенным человеком», чей духовный опыт спрятан под провозглашенной атеистической повседневностью. Однако суть внутреннего строя личности Паскаля оказывается близкой аскетизму и антибуржуазности советской культуры. Паскаль становится примером для советского человека в созидании себя на пути к светлому и справедливому обществу.

Ключевые слова: Блез Паскаль, границы культуры, советский традиционализм, социалистический реализм, математика, физика, янсенизм, Порт-Рояль

Для цитирования: Кашлявик К. Ю., Лобков А. Е. Восприятие Блеза Паскаля и его наследия советской официальной культурой 1920–1930-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 190–196. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-190-196>, EDN: DXCGAM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The perception of Blaise Pascal and his legacy by the official Soviet culture of the 1920–1930s

K. U. Kashlyavik¹✉, A. E. Lobkov²

¹Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

²Sevastopol State University, 33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia

Kira U. Kashlyavik, kachlavi@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1243-7608>

Aleksandr E. Lobkov, aelobkov@sevsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6547-0391>

Abstract. The perception of Blaise Pascal by the official Soviet culture of the 1920–1930s has not yet become the subject of a special study. At a new historical turn, the scientific and spiritual legacy of the French thinker was inevitably subject to revision. The authors set themselves the task of revealing the peculiarities of constructing the image of Pascal and interpreting his ideas in the society of mass intellectual culture. The main material for the article was information about Pascal, which a Soviet citizen could obtain from encyclopedic dictionaries, textbooks, popular science articles and periodicals. It is concluded that the personality and works of the French genius of the 17th century were important in arranging a dialogue between the new Soviet culture and traditional European culture in general, and the French culture in particular. In the 1920–1930s the “Soviet traditionalism” was emerging, i. e. the practice of the Soviet state to create boundaries of loyalty for traditionalism, which, first of

all, affects intellectual culture. The European bourgeois culture and the specific case of Pascal were inscribed into the new coordinates. The “boundaries of loyalty” set for the legacy of the French genius brought to the fore Pascal the scientist and Pascal the philosophizing writer. The emphasis on the Descartes/Pascal opposition, which reflects the spiritual, philosophical, cultural and ideological conflicts of the new Soviet state, is meaningful. In this conflict, Pascal became a kind of “hidden man”, whose spiritual experience is disguised under the proclaimed atheistic mundanity. However, the essence of the internal structure of Pascal’s personality turns out to be close to the asceticism and anti-bourgeois nature of the Soviet culture. Pascal becomes a role model for the Soviet people in terms of shaping themselves on the path to a bright and just society.

Keywords: Blaise Pascal, cultural boundaries, Soviet traditionalism, social realism, mathematics, physics, Jansenism, Port-Royal

For citation: Kashlyavik K. U., Lobkov A. E. The perception of Blaise Pascal and his legacy by the official Soviet culture of the 1920–1930s. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 190–196 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-190-196>, EDN: DXCGAM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Стремительное оформление отечественного паскалеведения приходится на вторую половину XX – начало XXI в. Именно в этот период появляются фундаментальные работы, рассматривающие влияние Паскаля на русскую культуру. То, что это влияние было глубоким и что паскалевское наследие беспокоило многих русских мыслителей, поэтов и писателей, убедительно демонстрируют работы Г. Я. Стрельцовой «Паскаль и европейская культура» (1994) и Б. Н. Тарасова «“Мыслящий тростник”: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей» (2004), а также антология «Блез Паскаль: pro et contra. Личность и творческое наследие Паскаля в восприятии и оценке русских философов и писателей» (2013), подготовленная В. Д. Алташиной. Вместе с тем полная картина рецепции Паскаля еще далека от завершения. Так, недостаточное внимание уделялось исследованию восприятия наследия Паскаля в советской официальной культуре в 1920–1930-е гг.

Октябрьский переворот 1917 г. не означал полного разрыва с культурным наследием прошлого. Мысль Ленина о том, что нужно *взять* всю накопленную предыдущими эпохами культуру – науку, технику, все знания, искусство – и положить ее в основу строящегося социалистического общества, стала руководящим принципом. Естественно, наследие прошлого требовало критической оценки и надлежащей интерпретации.

Так начинается процесс интуитивного выстраивания революцией «границ лояльности» по отношению к традиции. Революция начинает брать у традиции ее элементы и в каждом конкретном случае узаконивать их применение. Именно в 1920–1930-х гг. складывается «советский традиционализм» – практика советского государства по созданию границ лояльности для традиционности», в которую, прежде всего, включена интеллектуальная культура. Понятие “границы советского традиционализма” <...> сводится к установлению “революцией”, то есть

советской властью, традиционалистских границ лояльности по отношению к традиции для защиты от нее в конкретной исторической ситуации и на конкретное время» [1, с. 15].

Культуру, как и традицию, невозможно отменить, невозможно изобрести заново и в одночасье, однако ее можно подвергнуть государственному пересмотру, в случае Советской России – в контексте строительства нового социалистического государства. Таковы новые координаты, в которые должна была быть вписана и европейская буржуазная культура, и конкретный случай Паскаля.

Паскаль просто не мог быть «выброшен за борт современности», слишком велик и значим был его вклад в науку и европейскую культуру. Однако сложившийся в дореволюционное время образ Паскаля (в первую очередь, как религиозного философа) на новом витке исторического развития России неизбежно должен был подвергнуться определенному пересмотру и корректировке. И здесь уже была проделана работа просветителями XVIII в., конкретно – Вольтером и Кондорсе, «сократившими» Паскаля до образа великого ученого и философа, хотя и фанатично преданного заблуждениям янсенистов. Именно эту точку зрения подхватил и заострил советский интеллектуальный дискурс.

Материалом конструирования образа Паскаля и формирования нарратива о его наследии в советской официальной культуре послужили различные энциклопедические издания, учебники, научно-популярные статьи и газетные публикации, подача материала в которых изначально ориентирована на максимальную доступность для широких слоев только еще становящейся советской интеллектуальной элиты. Установление «границы лояльности» к наследию Паскаля, с одной стороны, вполне закономерно, так как на первый план вышел Паскаль-ученый, но с другой стороны, по-своему неожиданно, так как наметилась попытка провести Паскаля по ведомству литературы.

Как известно, символом века разума является знаменитая французская «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», статьи которой отражали и одновременно формировали идеологию Просвещения. Разработка четкой идеологической концепции в эпоху кардинальных перемен является важным фактором преодоления кризиса. Поэтому нет никакой случайности в том, что 20–30-е гг. XX в. характеризуются активным становлением в СССР энциклопедического дела. Энциклопедии были призваны не только дать свод современных знаний, но и обозначить ориентиры дальнейшего развития, выразить определенную идеологическую позицию, дать надлежащую оценку событиям и личностям, которую надлежало понимать как руководство к действию. Наиболее авторитетный характер приобрели статьи Большой советской энциклопедии (БСЭ) и Малой советской энциклопедии (МСЭ), издания которых носили массовый характер.

Редакционный совет МСЭ в предисловии к первому тому отмечал разную целевую аудиторию БСЭ и МСЭ. Первая была предназначена для «верхнего интеллектуального слоя, высшего актива советской общественности», вторая ориентировалась на «средний актив советской общественности», на «широкие слои трудящихся», активно приобщающихся к интеллектуальной культуре. По мнению редакции, энциклопедия должна «стать рупором пролетарской революции и средством для прояснения классового самосознания широких масс, орудием просвещения и строительства» [2, с. 3].

Краткие статьи о Паскале представлены в 6-м томе (1931) первого издания и в 8-м томе (1939) второго издания МСЭ. Энциклопедическая статья 1931 г. подписана инициалом К. Скорее всего, за ним скрывается физик Сергей Тихонович Конобеевский (1890–1970), который был одним из редакторов отдела «Естественные и точные науки». У статьи 1939 г. автор отсутствует. Обе статьи определяют Паскаля как «математика, физика и философа». В первую очередь, в них равно высоко подчеркиваются его научные достижения в математике и физике, а вот в оценке философских заслуг наблюдаются различия. Если в первой статье акцент сделан на борьбе Паскаля «с всесильными, поддерживаемыми двором иезуитами, сторонниками “покладистой” морали, защитниками принципа: “цель оправдывает средства”» [3, стб. 341–342], то во второй – на расхождении Паскаля с Декартом во взглядах на двойствен-

ную природу человека, «придавая решающее значение не разуму, а чувству, ограничивая роль дедукции» [4].

Такое появление оппозиции Декарт – Паскаль в энциклопедической статье 1939 г. по своему закономерно, причем советский уклад 30-х гг. явно тяготеет к «традиции» Декарта. Во 2-м томе академической «Истории философии. Философия XV–XVIII вв.» (1941) говорится, что «величайшей исторической заслугой Декарта является создание новой, анти схоластической, механистически-материалистической физики. Механистически-материалистическая физика – наиболее передовая, непосредственно связанная с научной революцией XVI–XVII вв., наиболее эмансипированная от религиозных предрассудков часть системы Декарта. Его рационалистическая методология направлена против слепой веры, против мертвой догмы, против средневековой рутинности. <...> Учение Декарта открыло широкую полосу расцвета философии революционной буржуазии» [5, с. 137]. Подчеркивая резкое расхождение Паскаля с Декартом в оценке созидательной силы разума, авторы пишут: «В отличие от картезианского “сомнения”, расчищающего путь рациональному, не зависимому от церковных догм, познанию, скепсис Паскаля подрывает доверие к научному мышлению и подготавливает почву для проповеди христианства» [5, с. 142]. За этой полемикой Декарта и Паскаля слышится не только духовно-философский конфликт французского, и шире – европейского, XVII в., но уже идеологический и культурный конфликт нового советского государства. Как известно, природа власти французского абсолютизма и советской власти 30–40-х гг. XX столетия имеет достаточно точек соприкосновения. Не случайно, что в статье А. Синявского (Абрама Терца) «Что такое социалистический реализм» (1957) указывается на генетическую связь соцреализма с нормативной эстетикой классицизма. Мысль о том, что социалистический реализм есть обновленный вариант классицизма, высказывал и влиятельный французский критик Анри Лефевр в статье «К революционному романтизму» («Vers un Romantisme révolutionnaire», 1957).

Более содержательна статья о Паскале в 44-м томе (1939) БСЭ, также определяющая его как «математика, физика и философа». Статья распадается на две части, первая из которых идет за авторством Адольфа Павловича Юшкевича (1906–1993), преподавателя математики в Московском механико-машиностроительном институте им. Н. Э. Баумана. В ней дается характеристика идей Паскаля в сфере математики и

физики. Сведения о Паскале-ученом почерпнуты Юшкевичем из двух переводных книг – «История математики в XVI и XVII веках» Г. Г. Цейтена и «История физики» Ф. Розенбергера, которые и указаны в списке литературы к статье. В них содержалась подробная характеристика достижений Паскаля в математике [6, с. 52–55] и в физике [7, с. 144–146].

Во второй части рассматривается философское мировоззрение Паскаля, которое определяет проблема двух сфер «знания» – «сферы науки, творимой разумом, и сферы религии, источником которой, по Паскалю, является сердце». Конфликт между наукой и теологией по-своему закономерен, поскольку ученый находился «под сильным влиянием религиозно-мистических предрассудков окружающей его среды». Оценка дается явно с позиций французских просветительских воззрений на Паскаля. Вывод вполне ожидаемый: Паскаль «хотя и признает формально равноправие теологии и науки, но на деле отдает явное предпочтение науке, видя в прогрессе научных знаний основную цель существования человечества» [8, стб. 318].

Структура статей в МСЭ и БСЭ разительно отличается от статей о Паскале в дореволюционных энциклопедиях. Показателен в этом плане Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, подготовленный еще до революции, парадоксальным образом неоднократно переиздававшийся по старым матрицам и в раннее советское время. Так, в 31-м томе, переизданном в 1933 г., содержалась статья Ивана Михайловича Малинина (1883–1961), доцента философии Новороссийского университета, эмигрировавшего во время Гражданской войны в Белград. Статья разбита на две неравные части, первая из которых посвящена философским взглядам Паскаля и сопровождается списком литературы и указанием имени автора статьи. Основное внимание Малинин уделяет «Мыслям о религии», содержащим «главнейшие философские учения Паскаля». Конфликт между наукой и верой Паскаль решает в пользу последней, и разум «ограничен», «поэтому стремление познать принципы и конец вещей навеки безнадежно». И лишь «религия уясняет человеку его место во вселенной и, следовательно, отчасти и смысл его бытия». Истинный источник знания – «опыт сердца, интуиция», ибо: «Сердце имеет свои основания, которых не знает разум». Из гносеологических взглядов Паскаля вытекают и его этические воззрения на поведение человека, характеризуемое «непримиримыми противоположностями: 1) между “должен” и “могу” и

2) между стремлением к счастью и невозможностью достигнуть его». Решение этой проблемы, как говорит большая цитата из Паскаля, возможно через изменение правила, которым пользовались «для суждения о том, что есть добро. Правилom мы брали нашу волю, теперь возьмем волю Бога: все, что Он хочет, для нас хорошо, что Он не хочет, для нас дурно» [9, стб. 117–120]. И лишь во второй части статьи кратко обрисованы заслуги Паскаля-математика.

Но поскольку фигура Паскаля выходила только за рамки науки, а его религиозные искания в строящемся атеистическом обществе давали повод для ненужных сомнений, интересна попытка провести Паскаля по разделу литературы. Такой взгляд на него представляет статья в 8-м томе (1934) Литературной энциклопедии (ЛЭ), написанная Стефаном Стефановичем Мокульским (1896–1960), выдающимся специалистом по французской литературе XVII в.

Паскаль в статье определен как «писатель, мыслитель и ученый». Основное внимание Мокульский уделяет двум знаменитым произведениям Паскаля: «Провинциальные письма» – «не только шедевр религиозно-политической публицистики, но и первоклассное художественное произведение» и «Мысли» – «сборник афоризмов религиозно-философского содержания», произведение «не только философа, но и художника» [10, стб. 461–463].

Свой взгляд на Паскаля-писателя Мокульский подкрепляет солидной отсылкой к французской критической литературе, в том числе и на два источника, имевшихся в русском переводе – «Историю французской литературы XVII в.» Г. Лансона (рус. пер. 1899) и «Историю французской литературы» Э. Даудена (рус. пер. 1902). Показательно, что среди специализированных работ приводится и «История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах» А. В. Луначарского, в которой Паскалю уделен всего один абзац. Думается, что авторитетное имя крупного государственного деятеля послужило своеобразным пропуском для Паскаля в мир советского литературоведения. Отметим, что А. В. Луначарский был основателем ЛЭ и ее главным редактором в 1929–1933 гг.

В программной статье о классицизме в «Западном сборнике» (1937) Мокульский подчеркивал особое место Паскаля: «Единственным французским писателем XVII в., отдавшим большую дань иррациональному, непонятному, таинственному, был картезианец Паскаль, преодолевший рационалистическую доктрину

своего учителя и ставший своего рода “романтиком” XVII в. Хотя французские литературоведы искони причисляют Паскаля к классицистическому направлению, однако по существу он очень далек от классицизма, так как вводит все то, чего чуждались классицисты. Мы находим у него и мистицизм, и религиозный экстаз, и живое чувство природы, и вдохновенный лиризм, и культ воображения и вдохновения, и восторг перед непознаваемым» [11, с. 26].

Намеченный Мокульским подход к Паскалю будет продолжен его аспирантом – С. Д. Коцюбинским (1909–1943?), в конце 1930-х работавшим над диссертацией о прозе французских моралистов XVII в. [12]. Полноценной главой этого исследования может считаться статья Коцюбинского «Литературное наследие Паскаля», опубликованная в Ученых записках Ленинградского государственного университета в 1941 г. [13].

Публикация переводов научных трактатов также свидетельствует об изменении угла зрения на Паскаля. В центре внимания просвещенной публики в XIX в. находились «Мысли», самое известное произведение Паскаля. На русском языке вышло несколько переводов этого сочинения, разной степени полноты и точности – И. Бутовского (1843), Н. П-ва (1871), Д. П. Первова (1888), С. М. Долгова (1892). В 1898 г. вышел перевод «Писем к провинциалу» под редакцией А. И. Попова. Религиозно-этические проблемы, над которыми бился Паскаль, оказались мучительно близкими интеллектуальной части русского общества второй половины XIX – начала XX в.

Напротив, в ранний советский период издаются научные работы Паскаля. Труды ученого имели важное прикладное значение для страны, вставшей на путь ускоренной индустриализации; его открытия в математике и физике находили применение во многих отраслях – от строительства гидроэлектростанций до авиации. Так, фрагменты трактатов о равновесии жидкостей и о весе массы воздуха, написанные «гениальным французским математиком и философом XVII века» [14, с. 78], вошли в «Физическую хрестоматию» известного популяризатора науки Якова Исидоровича Перельмана (1882–1942).

В 1932 г. в серии «Классики естествознания» была опубликована книга «Начала гидростатики», в которую вошли труды основоположников гидростатики, в том числе и трактат Б. Паскаля «О равновесии жидкостей». В 1933 г. книга вышла вторым изданием [15]. Перевод трактата был выполнен инженером В. Н. Степановым и обработан составителем сборника Александром

Николаевичем Долговым (1884–1938), профессором Московского высшего технического училища, а в 1930-х помощником главного инженера Главгидроэнергостроя и ведущим специалистом по турбинному оборудованию. В предисловии Долгов писал, что книга может послужить практическим пособием для преподавателей физики и учащихся, интересующихся гидравликой.

Ранний этап становления советского общества проходит под эгидой механистической картины мира. Она уже, конечно, не предполагала божественного первотолчка, вместо творца движущей силой современного механизма, естественно, должна была стать единственная в стране партия – ВКП(б).

Большое внимание уделяется революционным работам Галилея, Кеплера, Ньютона, Декарта, Гюйгенса, Торричелли и др. Советская культура постепенно утверждала новый тип героя – ученого, действующего во благо всего общества. Паскаль принадлежал когорте великих ученых, стоящих у истоков современной науки, его имя было неотъемлемой частью преподавания естествознания, поэтому правильно поданная биография Паскаля имела важную образовательную функцию. Естественно, что в официальных изданиях биографические сведения о Паскале часто подавались редуцированно и с оглядкой на общую атеистическую установку, так как конструируемый образ Паскаля должен был стать достойным образцом для подражания.

Старшему поколению Паскаль был интересен в свете напряженности и интенсивности нравственных исканий и мучительно тревожащих вопросов. Новому государственному строю апология христианской религии была чужда. Поэтому в сознании молодого советского поколения нужно было сложить в первую очередь образ Паскаля-ученого, целеустремленного труженика, посвятившего все помыслы науке.

В 1936 г. на карте г. Горького (бывшего и нынешнего Нижнего Новгорода) в Ленинском районе появилась новая улица – Паскаля. Отметим, что улиц, названных в честь французского ученого и мыслителя, на территории бывшего СССР буквально единицы. А годом ранее в биографической серии «В помощь учителю», выпускаемой Горьковским краевым отделом народного образования, вышла краткая биография Паскаля [16]. Ее составителем выступил Владимир Владимирович Кокосов (1886–1944), на тот момент числившийся внештатным сотрудником Научно-исследовательского института политехнической школы.

Биография, адресованная школьной аудитории, написана простым и одновременно ярким языком, повествует о научном пути и открытиях молодого Паскаля, опиравшегося в своих рассуждениях исключительно на математическую логику, опыт и знание законов природы. Хотя и этому «рациональному, научному уму» не удалось избежать «ядовитого тумана католического христианства». Такой поворот «от методов точной науки в сторону религиозной мистики» автор объясняет как «болезненным состоянием» Паскаля, так и «условиями среды и эпохи», разрушением феодальных отношений и становлением капитализма [16, с. 4]. Гневная риторика в адрес церкви, «подавившей и искалечившей этот светлый ум», вполне уместна в контексте «воинствующей» антирелигиозной пропаганды на этапе становления советской власти.

В связи с 275-летием со дня смерти Паскаля в 1937 г. в научно-популярном журнале для подростков «Знание – сила» вышла статья, написанная профессором Александром Александровичем Зонненштралем, заведовавшим кафедрой физики в Московском институте химического машиностроения.

Естественно, что деятельность ученого неотделима от его биографии. Поэтому А. А. Зонненштраль в статье, характеризующей преподавание физики во французских школах и опубликованной в «Педагогическом сборнике» в 1913 г., дает следующее методическое указание для педагогов: «...при случае, в виде отступления надо познакомить с жизнью нескольких великих, обращая внимание не только на значение их трудов, но и на моральное величие их преданности науке; преподавателю рекомендуется давать ученикам прочитывать некоторые характерные страницы из их творений» [17, с. 47].

Биографический очерк Зонненштраль начинает с характеристики эпохи, в которую жил и творил Паскаль, века великих научных открытий, религиозных противостояний, кровопролитных войн и становления буржуазных отношений. Рассматривая становление Паскаля как ученого, автор отмечает важную роль семьи в развитии природных задатков будущего гения и прикладную ценность сделанных им открытий. Автор подробно останавливается на причинах (тяжелое заболевание, смерть отца и «чудо» на мосту в Нейли), которые привели к отказу Паскаля от занятий точными науками в пользу религиозного отречения. Но даже несмотря на «религиозную манию», в «минуты просветления» Паскаль пишет разоблачающие иезуитов «Провинциальные письма», создает труд о циклоиде и работает над сочинением,

изданным после смерти Паскаля под названием «Мысли», многие размышления в котором «святые отцы Порт-Рояля» отретушировали, «устраняя и переделывая все, что им неуютно» [18, с. 23]. В завершении автор отмечает огромное влияние трудов Паскаля на науку, философию и художественную литературу. Необходимо также отметить, что статья содержит большое количество иллюстраций.

Биография французского ученого в изложении А. А. Зонненштраля выдержана идеологически верно и может быть названа образцовой с точки зрения советской идеологии. Образ Паскаля-ученого в нашей стране возобладает на многие десятилетия. Поэтому во многом закономерно, что одна из статей в «Литературной газете» за 1939 г., посвященная 121-й статье сталинской Конституции, гарантирующей право на образование, начинается с истории из детства «великого французского физика и математика», жажда к точным знаниям у которого была настолько велика, что он в 9-летнем возрасте самостоятельно «наново создал Эвклидову геометрию» [19].

Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что традиция жизнеописания Паскаля для детей и подростков существовала и в дореволюционной России. В ней также обращалось внимание на роль семьи в развитии научных способностей Паскаля, описывалась важность открытий, сделанных им, но его религиозное обращение характеризовалось не как морок ясного ума ученого, а как победа над диктатом разума, чреватого самыми разнообразными страстями. В качестве примера можно вспомнить знаменитый рассказ «Паскаль и его сестры» из неоднократно переиздаваемой книги «Детство и юность великих людей» французской писательницы Луизы Коле [20] и статью «Два великих французских мыслителя и математика, из которых один выше всего ставил человеческий разум, а другой – человеческое сердце» из Детской энциклопедии [21].

Жизнеописания советского периода 1920–1930-х гг. показывают, с одной стороны, преемственность с прежней традицией и, с другой, резкое расхождение с ней в оценке роли церкви и религии в судьбе Паскаля.

Так складывается практика «советского традиционализма», имеющая своей целью «умиротворение традиции, вовлечение ее в советское строительство, создание у традиции иллюзии, что советская власть является родной, своей, во всяком случае, не враждебной. Причина невозможности уничтожить традицию силами воинствующей атеистической машины кроется в религиозной природе традиции. А если оценивать атеистическую идеологию как скрытую

веру, то будет понятен пафос противостояния. Как писал на этот счет архиепископ Иоанн Сан-Франциский (Шаховской): «Атеистический коммунизм по-своему верит в Бога, боясь Его и ненавидя» [1, с. 15].

В этом конфликте Паскаль стал своего рода «сокровенным человеком» советской культуры. Формула с символической проекцией на личность Паскаля взята из одноименной повести (1927 г.) А. П. Платонова. Показательно, что первоначальное название ключевого произведения Платонова «Страна философов». Порубежность состояния «технически» мыслящего главного персонажа (Пухова) между христианством (старым миром) и революцией (новым миром), героя, которого глубоко задевают «глупости, несуразности» революции, можно соотнести с тем, как создается новая культура в целом и как лепится образ «советского» Паскаля в частности.

Слово «сокровенный» – «caché» из паскалевского словаря – «Le Dieu caché/Deus absconditus» – «Ты не искал бы меня, если бы уже не нашел» – мотив из книги пророка Исаии (XLV, 15), часто звучащий в «Мыслях» (L 781) [22]. Сокровенность духовного паскалевского опыта в советской культуре будет пульсировать на всем ее протяжении, даже будучи «редуцированной» официальным дискурсом.

Список литературы

1. Границы советского традиционализма: Из опыта русского народа XX века. Этнологическое исследование / отв. ред. и сост. О. В. Кириченко. СПб. : Алетей, 2021. 688 с.
2. Предисловие // Малая советская энциклопедия : в 10 т. Т. 1 / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. М. : Советская энциклопедия, 1928. С. 3–4.
3. К. Паскаль // Малая советская энциклопедия : в 10 т. Т. 6: Огневки – Пряжа / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. М. : Советская энциклопедия, 1931. Стб. 341–342.
4. Паскаль // Малая советская энциклопедия : в 10 т. Т. 8: Парторг – Революционный трибунал / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. 2-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1939. Стб. 14.
5. История философии. Т. 2: Философия XV–XVIII вв. / под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. М. : Госполитиздат, 1941. 470 с.
6. Цейтен Г. Г. История математики в XVI и XVII веках / пер. П. Новикова; обраб., прим. и предисл. М. Выгодского. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Л. : Ред. техн.-теорет. лит-ры ОНТИ, 1938. 456 с.
7. Розенбергер Ф. История физики. 2-е изд. : в 2 ч. Ч. 2: История физики в новое время / пер. с нем. под ред. И. Сеченова, вновь провер. и перераб. В. С. Гохманом ; предисл. С. Ф. Васильева. М. ; Л. : Гос. техн.-теорет. изд-во, 1933. 342 с.
8. [Юшкевич А.] Паскаль // Большая советская энциклопедия. Т. 44: Пализа – Перемычка / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М. : Советская энциклопедия, 1939. Стб. 316–318.
9. [Малинин И.] Паскаль // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат : в 72 т. 11-е изд., стер. Т. 31: Павинский – Персия. М. : Рус. библиогр. инст. Гранат, 1933. Стб. 117–120.
10. Мокульский С. Паскаль // Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 8. М. : Советская энциклопедия, 1934. Стб. 461–463.
11. Мокульский С. С. Французский классицизм // Западный сборник. Кн. 1 / под ред. В. М. Жирмунского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. С. 9–52.
12. Кирнозе З. И., Лобков А. Е. Проза французского классицизма. Попытка реконструкции одной несохранившейся и незащищенной диссертации // Вопросы литературы. 2017. № 4. С. 269–305. EDN: WPWYUT
13. Кашлявик К. Ю., Кирнозе З. И., Лобков А. Е. С. Д. Коцюбинский о литературном наследии Блеза Паскаля // Франция и Россия: век XVII. Нижний Новгород : Радонеж, 2016. С. 328–340.
14. Физическая хрестоматия: Пособие по физике и книга для чтения. Ч. 1 / сост. Я. И. Перельман. Пг. : «Сеятель» В. Е. Высоцкого, 1922. 232 с.
15. Паскаль. Трактаты о равновесии жидкостей и весе массы воздуха, содержащие объяснение причин различных явлений природы, которые до сих пор не были достаточно известны, и в частности тех, которые приписывались боязни пустоты // Начала гидростатики: Архимед, Стэвин, Галилей, Паскаль / пер., прим. и вступ. ст. А. Н. Долгова ; 2-е изд. М. ; Л. : Гос. техн.-теорет. изд., 1933. С. 365–401.
16. Кокосов В. Паскаль. Горький, [1935]. 4 с. (Горьковский краевой отдел народного образования; библиографическая серия «В помощь учителю»).
17. Зонненитраль А. А. Общий строй французской школы и преподавание физики во французских средних учебных заведениях. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 65 с.
18. Зонненитраль А. Блез Паскаль (к 275-летию со дня смерти) // Знание сила. 1937. № 8. С. 20–23.
19. Семенов Я. Статья сто двадцать первая // Литературная газета. 1939. 5 дек. № 67 (846). С. 3.
20. Колэ Л. Детство и юность великих людей (Важнейшие эпизоды и выдающиеся приключения в их жизни) / пер. с 12-го изд. С. Майковой. СПб. : Изд. Книгопродавца В. И. Губинского, 1894. С. 176–194.
21. Два великих французских мыслителя и математика, из которых один выше всего ставил человеческий разум, а другой – человеческое сердце // Детская энциклопедия : в 10 т. Т. 10. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. С. 55–57.
22. Pensées de Blaise Pascal. URL: <http://www.penseesdepascal.fr/> (дата обращения: 23.09.2023).

Поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication 05.02.2024